

АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ – 1939

Формула провала

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва

2019

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)61
А72

Под общей редакцией генерального директора
Института внешнеполитических исследований и инициатив
Вероники Крашенинниковой

Ответственный редактор
Олег Назаров

А72 **Антигитлеровская коалиция — 1939: Формула провала.** Сб. ст. / под общей ред. В. Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О. Г. Назаров. — М.: Издательство «Кучково поле», 2019. — 336 с.: ил. — (Реальная политика)

ISBN 978-5-907171-24-4

Почему раздел Чехословакии ничему не научил «европейские демократии»? Хотели ли они заключить военный союз с СССР и остановить гитлеровскую агрессию? А если нет — то почему? На широкой документальной основе ведущие российские и зарубежные историки представляют картину мировой политики на 1939 г. Они дают ответ на главный вопрос: почему в 1939 г. не были сформирована антигитлеровская коалиция и создана система коллективной безопасности, которая могла бы дать возможность избежать эскалации ситуации. Впервые в приложении к сборнику помещены предоставленные МИД фотографии оригиналов Советско-германского договора и Секретного протокола к нему.

Книга предназначена политикам, экспертам, журналистам и широкому кругу читателей, интересующихся историей Европы и Второй мировой войны.

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)61

На обложке изображена памятная медаль, посвященная созданию имперского протектората Богемии и Моравии в 1939 г.

ISBN 978-5-907171-24-4

© АНО «Институт внешнеполитических исследований и инициатив», 2019
© ООО «Издательство «Кучково поле», 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

В серии «Реальная политика» мы продолжаем исследовать сложные годы кануна Второй мировой войны, насыщенные политическими интригами, когда на кону стояла судьба континента. Сборник «Антигитлеровская коалиция — 1939: формула провала» продолжает тему, поднятую книгой «Мюнхен-1938: падение в бездну Второй мировой», вышедшей в сентябре 2018 г. и приуроченной к 80-летию Мюнхенского сговора.

В 1939 г. — вплоть до начала военных действий 1 сентября — Советский Союз продолжал отчаянные попытки создать коалицию европейских государств, чтобы остановить агрессию Третьего рейха. Если позорный для себя 1938 год западные эксперты и медиа обошли молчанием, то в этом году все информационные «пушки» направлены на Договор о ненападении между Германией и СССР, подписанный 23 августа 1939 г. Он используется для того, чтобы возложить ответственность за начало Второй мировой войны на Советский Союз, чтобы поставить знак равенства между «коммунизмом и фашизмом».

Авторы этого сборника, основываясь на фактах и архивных документах, развенчивают эти клеветнические и явно ангажированные обвинения. Договор о ненападении для Москвы был вынужденным шагом, когда стало понятно, что антигитлеровской коалиции не будет. Он дал Советскому Союзу почти два года передышки для подготовки к отражению неминуемой агрессии. Более того, аналогичные договоры до СССР подписали и «главные обвинители»: Великобритания, Франция, Дания, Латвия, Литва и Эстония.

В сборнике впервые опубликованы фотографии советского оригинала Договора о ненападении и секретного дополнительного протокола к нему. Для историков это настоящее событие, поскольку до сих пор были доступны только их немецкие варианты. И между двумя

вариантами есть расхождения. Дело в том, что в 1939 г. текст договоров печатался на пишущих машинках без использования копировальной бумаги. Договор и протокол печатались четыре раза, и это объясняет некоторые технические несовпадения текстов. Необычность оформления договора и протокола может свидетельствовать о крайне ограниченном времени, имевшемся на подготовку и согласование текстов.

Читая шифротелеграммы советских послов и разведчиков, приведенные в книге, никак нельзя отмахнуться от параллелей с сегодняшним днем. И советские, и западные дипломаты говорили о приближающейся войне и называли сроки, которые оказались верными. Единственный путь предотвратить войну лежал тогда через создание системы коллективной безопасности в Европе. Сегодня, когда администрация США разрушает систему договоров о вооружениях и требует милитаризацию Европы, сохранение мира на континенте, также требует создания системы коллективной безопасности. В прошлый раз гигантские усилия Москвы не увенчались успехом. Усвоили ли сегодняшние политики суровые уроки той катастрофы?

Выражаю благодарность всем авторам, принявшим участие в этом сборнике. Их материалы — результат десятилетий кропотливых исследований и борьбы за историческую истину. Отдельно стоит отметить работу канадского историка Майкла Джабара Карлея: западному ученому приходится идти против очень мощного течения, что требует независимости мышления, крепкого стержня и мужества.

Особая благодарность Олегу Геннадьевичу Назарову, который в очередной раз в качестве ответственного редактора координировал работу коллектива историков со всей компетентностью и вниманием к деталям.

Мы глубоко признательны Историко-документальному департаменту МИД РФ и лично директору департамента Надежде Михайловне Бариновой за предоставленные документы, фотографии которых приведены в книге, и за ценные советы по пониманию исторических вопросов.

Благодарю нашего давнего партнера издательство «Кучково поле» и лично Георгия Эдуардовича Кучкова, с которым мы в 2012 г. запустили серию «Реальная политика», за высокое качество их работы, за скрупулезное внимание к изданию и творческий подход.

Дорогой читатель, наши книги призваны снабдить вас знаниями и аргументами в защите нашей страны на арене политической, военной и информационной. Недостаточно глубокое понимание оппонентов и собственные просчеты стоят нам слишком дорого. «В мире нет ничего нового, за исключением истории, которой вы не знаете», — говорил

американский президент Гарри Трумэн. «История — самый лучший учитель, у которого самые плохие ученики», — повторяла премьер-министр Индии Индира Ганди.

Пусть это будет не про нас.

Вероника Крашенинникова

Генеральный директор

*Института внешнеполитических исследований и инициатив,
Член Общественной палаты РФ, заместитель председателя
Комиссии по развитию общественной дипломатии, гуманитарному
сотрудничеству и сохранению традиционных ценностей*

⁴⁰ Идею «Восточного пакта» («Восточное Локарно») в начале 1934 г. выдвинул министр иностранных дел Франции Луи Барту. Речь шла о проекте договора о взаимопомощи между Чехословакией, Польшей, Латвией, Эстонией, Литвой и Финляндией. Идею поддержала и Москва. В результате имевших место в мае 1934 г. франко-советских переговоров договорились о том, что Франция присоединится к «Восточному пакту» в качестве его гаранта, а СССР в таком же качестве присоединится к Локарнскому пакту. Приглашение присоединиться к проекту направили Германии и другим заинтересованным государствам. 12 июля правительство Великобритании довело до сведения министров иностранных дел Италии, Германии и Польши, что поддерживает проект. Летом его одобрили Чехословакия, Латвия, Эстония и Литва. Однако 11 сентября Берлин и 27 сентября Варшава отказались участвовать в «Восточном пакте». 9 октября 1934 г. в Марселе Барту и король Югославии Александр Карагеоргиевич были убиты, а проект «Восточного пакта» не был осуществлен.

⁴¹ Цит по: *Морозов С. В.* Польско-чехословацкие отношения 1933–1939 гг. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004. С. 165.

⁴² В мае 1926 г. Юзеф Пилсудский совершил в Польше государственный переворот и установил правоконсервативный и националистический режим санации (*sanacja* от *lat. sanatio* — «оздоровление»).

⁴³ *Долгополов Н. М.* «Гомер» раскрыл секреты бомбы (Дональд Маклейн) // Легендарные разведчики — 2. М., 2018. С. 226.

⁴⁴ См. также: *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 338.

РАСЧЛЕНЕНИЕ ЧЕХО-СЛОВАКИИ (март 1939 г.): РЕАКЦИЯ В МИРЕ

Валентина Марьина

Мюнхенское соглашение не положило конец намерениям Адольфа Гитлера ликвидировать ненавистное ему Чехословацкое государство, которое после предоставления автономии Словакии и Подкарпатской Руси (Закарпатской Украине) в октябре-ноябре 1938 г. стало именоваться Чехо-Словацкая республика (Ч-СР) — Чехо-Словакия. В мире, правда, это не было принято во внимание, и государство по-прежнему именовалось Чехословакией.

В середине марта 1939 г. в ней сложилась благоприятная с точки зрения Гитлера ситуация, которая давала возможность реализовать его дальнейшие захватнические планы: правительство автономной Словакии во главе с монсеньором Йозефом Тисо, входившее во все большую конфронтацию с пражским центром, было отправлено им в отставку, а в Словакии объявлено чрезвычайное положение. В Праге и Братиславе пытались найти решение, приемлемое для обеих сторон. Возникший конфликт, в значительной степени спланированный Берлином, оказался на руку фюреру. Он немедленно отправил в Словакию своего эmissара для переговоров о провозглашении Словакии самостоятельным государством. Но попытка не удалась¹. Тогда 13 марта Гитлер пригласил в Берлин словацкого экс-премьера Тисо, которого, как предполагал фюрер, проще было склонить к реализации идеи разрыва Братиславы с Прагой. Тисо был поставлен перед выбором: либо оккупация Словакии готовыми к этому венгерскими войсками, чему Гитлер не будет препятствовать, либо создание при поддержке и под эгидой Германии самостоятельного Словацкого государства. Ответить на ультиматум предлагалось в считанные часы.

Тисо предпочел, естественно, второй вариант, но для его осуществления требовалось формальное согласие словацкого сейма, чтобы акция выглядела законной в глазах мировой общественности. Собравшийся 14 марта сейм, поставленный перед альтернативой — оккупация или самостоятельность, единогласно проголосовал за второе, хотя это вовсе не означало, что все депутаты являлись искренними сторонниками принятого решения. В сложившейся ситуации оно скорее являлось вынужденным: большинство сейма тогда стояло на платформе автономизма, а не последовательного сепаратизма. Таким образом, 14 марта было объявлено о создании самостоятельного, но фактически зависимого от Третьего рейха, Словацкого государства, которое позднее, по конституции, принятой летом 1939 г., получило наименование Словацкая республика².

Нарком иностранных дел СССР Максим Литвинов уже 15 марта в беседе с польским послом в СССР Вацлавом Гжибовским заявил, что «никакой независимости Словакия иметь не будет и что хозяйничать там будут исключительно немцы». Далее он добавил: «Мы твердо стоим на позиции самоопределения народов, но... с этим принципом не имеет ничего общего провозглашение независимости Словакии при известных нам обстоятельствах. Мы всегда были также за добровольное объединение малых народов, в особенности таких родственных по языку, культуре и истории, как чешский и словацкий... Отпадение Словакии мы рассматриваем как полное уничтожение ее независимости и превращение ее в марионеточное государство типа Маньчжоу-Го... и мы, подобно Польше, не можем, конечно, радоваться усилению мощи Германии»³.

Посол Франции в Германии Роберт Кулондр в сообщении в Париж от 16 марта тоже считал, что с независимостью Словакии, обратившейся к фюреру с просьбой взять новоиспеченное государство под защиту рейха, покончено сразу же после провозглашения его независимости, и что «существовать самостоятельно она (Словакия. — В. М.) не может»⁴.

Случившееся застигло пражские власти врасплох. А в это время 200-тысячная немецкая армия уже стояла в боевой готовности на границах чешских земель, ожидая приказа о начале вторжения в них. 14 марта президент Ч-СР Эмиль Гаха и министр иностранных дел Франтишек Хвалковский были приглашены на беседу с Гитлером. Они прибыли в Берлин ночью, когда некоторые части вермахта уже начали переходить чехословацкие границы. Фюрер предъявил Гахе жесткий ультиматум: дать немедленное согласие на оккупацию оставшейся части страны Германией, на создание протектората Богемия и Моравия и его включение в состав Третьего рейха; в противном случае — слом возможного

чешского вооруженного сопротивления значительно превосходившей по силе немецкой армией, напрасное массовое кровопролитие, бомбежки и уничтожение Праги. Сломленный и униженный, пребывавший в глубокой депрессии Гаха подписал ультиматум, согласно которому «преисполненное доверия» к фюреру чешское правительство вручало судьбу Богемии и Моравии в его руки. Одновременно Гаха позвонил в Прагу и отдал приказ по армии не оказывать сопротивления германским оккупационным войскам.

15 марта в 9 часов утра их первые моторизованные подразделения вступили в Прагу⁵. В 19.15 того же дня Гитлер в колонне автомобилей и бронетранспортеров прибыл в столицу Чехо-Словакии. Несколько позже, в 19.30 специальным поездом из Берлина приехал и Гаха. Его ожидал на вокзале немецкий комендант оккупированного города генерал-майор барон Эккарт фон Габленц с почетным караулом вермахта. Охрану Града (Пражского кремля) уже несли эсэсовцы. 16 марта Гитлер принял Гаху. Аудиенция длилась примерно полчаса. Предварительно ему было вручено решение фюрера об образовании протектората на оккупированных чешских землях. Этим односторонним актом правительство Чехо-Словакии становилось правительством протектората⁶.

Шестидесятилетний Гаха, по профессии юрист, вынужденный под угрозой применения силы уступить, выбрал, как он тогда считал, из двух зол меньшее, полагая, что чешское правительство и чешские власти станут играть роль некоего «буфера» между оккупантами и чешским народом и смогут таким образом ослабить многие негативные последствия оккупации и нацистской политики. Хотя большинство чешского народа было настроено антифашистски и внутренне не приняло оккупацию, значительная часть общества поняла и признала вынужденность поступка Гахи, во всяком случае, резко не осуждала его.

В то же время часть чехов заняла остро критические позиции, расценив деятельность президента как коллаборационизм. Каковы бы ни были субъективные намерения Гахи и его окружения, но выполнение гитлеровского ультиматума оскорбляло национально-патриотические чувства чехов, на первых порах рождало пессимизм и подрывало веру в возможность действенного сопротивления оккупантам. Корреспондент ТАСС Д. Д. Монин, находившийся 15 марта в Праге, так описывал встречу немецких оккупантов ее жителями: «Все население Праги было 15 марта на улицах, но встречало германские войска злобно, с антифашистскими лозунгами, поднятыми вверх кулаками, часто — возгласами “Рот фронт”. Весь город был украшен чешскими национальными флагами, а не германскими фашистскими. В Праге 15 марта было расстреляно на месте 6 человек, открыто выражавших свое возмущение оккупа-

цией». Случаи открытого возмущения, по сообщению корреспондента, имели место также в городах Моравска Острава, Кладно, Брно⁷.

Но налицо было и другое: безропотное подчинение оккупантам, чему удивлялся даже начальник Верховного командования вермахта Вильгельм Кейтель: «Мы входили в город и видели всех солдат запертыми в казармы и разоруженными. Начальники стояли у входа, передавали нам ключи, козыряли, говоря “zum Befehl”. Для нас, военных, это зрелище было непостижимо»⁸.

По некоторым данным, в результате оккупации чешских земель Германия захватила 1582 самолета, 501 зенитное орудие, 2175 пушек, 785 минометов, 43976 пулеметов, 469 танков, свыше 1 млн винтовок, 114 тысяч пистолетов, 1 млрд патронов, 3 млн снарядов и другие виды военной техники и снаряжения, достаточные для вооружения 40 немецких дивизий⁹.

Третья составная часть послемюнхенской Чехо-Словакии, Подкарпатская Русь, тоже провозгласившая 15 марта свою независимость, сразу вслед за этим с согласия Гитлера была оккупирована венгерскими войсками и включена в состав Венгрии¹⁰.

Так с политической карты Европы исчезло просуществовавшее два десятилетия Чехословацкое государство. Мир был шокирован наглостью и очередным вероломством гитлеровской Германии, не в первый раз показавшей, что международные соглашения для нее являются не более чем пустой бумажкой. «Германия продолжает оставаться страной, где любой документ — “клочок бумаги”»¹¹, — писал Р. Кулондр в МИД Франции 16 марта.

Мировая общественность получила убедительное доказательство того, что попустительство агрессору ведет не к миру в Европе, а к развязыванию новой войны. Реакция СССР, Англии, Франции, США на уничтожение Чехо-Словакии по сути была однозначно негативной, осуждающей агрессию Германии, но по форме — разной. СССР фактически уже 15 марта, т. е. в день оккупации чешских земель и вступления немецких войск в Прагу, выступил с осуждением ликвидации Чехословацкого государства. В газете «Правда» за подписью «Обозреватель» появилась статья «Новый акт агрессии в Центральной Европе», написанная, очевидно, на основе ночных сообщений телеграфных агентств о начале оккупации чешских земель. В ней подчеркивалось: «Цель этого очередного агрессивного акта — окончательно ликвидировать чехословацкое государство, раздробить его, превратить в придаток “Третьей империи”... Новый акт агрессии германского фашизма сразу опрокинул послемюнхенское “равновесие” в Центральной и Юго-Восточной Европе, которым так восхищались лондонские и парижские “миро-

творцы”... Новый акт агрессии делает и без того напряженное положение в Центральной Европе еще менее устойчивым, еще более чреватым новыми конфликтами и столкновениями»¹².

16 марта немецкий посол Фридрих Вильгельм фон дер Шуленбург вручил председателю советского правительства Вячеславу Молотову ноту, в которой до сведения кремлевского руководства доводилось «соглашение», подписанное в ночь на 15 марта в Берлине, говорилось о вступлении немецких войск на территорию чешских земель и установлении над ними германского протектората. В новой немецкой ноте от 17 марта содержался указ фюрера о статусе этой территории. Во вступительной части указа о Чехословакии говорилось как об искусственном государственном образовании, являвшемся очагом постоянного беспокойства, как о государстве, которое «доказало свою внутреннюю нежизнеспособность»¹³ и «подверглось фактическому распаду». Поэтому, дескать, «германская империя решила вмешаться категорическим образом в целях восстановления основ разумного порядка в Центральной Европе»¹⁴. Согласно сообщению советского генконсула в Праге Владимира Яковлева в НКВД Протекторат Богемия и Моравия занимал площадь 49 362 кв. км и имел 6,8 млн населения¹⁵.

Ознакомившись с обеими германскими нотами, советское правительство 18 марта подготовило ответную ноту, подписанную Литвиновым. 19 марта она была вручена им Шуленбургу. В ней говорилось, что характеристики, данные Чехословацкому государству во вступительной части германского указа, «не могут быть признаны правильными и отвечающими известным всеми миру фактам» и что на самом деле ЧСР была одним из немногих европейских государств, где «были действительно обеспечены внутреннее спокойствие и внешняя миролюбивая политика». Подчеркивалось, что Гаха не имел никаких полномочий от своего народа подписывать берлинский акт 15 марта и действовал в явном противоречии с чехословацкой конституцией, вследствие чего этот акт «не может считаться имеющим законную силу». «При отсутствии какого бы то ни было волеизъявления чешского народа, — говорилось в ноте, — оккупация Чехии германскими войсками и последующие действия германского правительства не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными». Это целиком относилось и «к изменению статута Словакии в духе подчинения последней Германской империи, не оправданному каким-либо волеизъявлением словацкого народа». Подчеркивалось также, что «действия германского правительства послужили сигналом к грубому вторжению венгерских войск в Карпатскую Русь (Закарпатскую Украину. — В. М.) и к нарушению элементарных прав ее населения». «Ввиду изложенного, — гово-

рилось в ноте, — Советское правительство не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов». По мнению Москвы, «действия германского правительства не только не устраняют какой-либо опасности всеобщему миру, а, наоборот, создали и усилили такую опасность, нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы еще ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувству безопасности народов»¹⁶.

20 марта газеты «Правда» и «Известия» поместили пространные комментарии к советской ноте, в которых еще раз подчеркивалось, что «берлинский акт», который «не может считаться имеющим законную силу», «свидетельствует о дальнейшем развертывании Второй мировой войны», ведущейся агрессорами против «интересов так называемых демократических государств»¹⁷.

Советская нота привлекла к себе внимание мировой общественности четкостью и бескомпромиссностью формулировок. Так, чехословацкий полпред в Москве Зденек Фирлингер информировал Литвинова 23 марта: «...Сообщение точки зрения Вашего правительства к происшедшим в Чехословакии событиям найдет самое существенное и восторженное согласие чехословацкого народа»¹⁸. Советский посол в Лондоне Иван Майский сообщал в НКИД, что нота произвела впечатление и в Англии¹⁹.

Великобритания и Франция 18 марта также направили Германии ноты протеста, в которых они отказывались признать законность ее действий против Чехословакии. По своему содержанию они отличались от советской ноты тем, что в них осуждалась не сама агрессия против суверенного государства, а нарушение Гитлером обещаний, данных им в Мюнхене²⁰. В английском обществе в связи с событиями 15 марта усилилось недовольство проводимой ранее Великобританией политикой сговора с фашистской Германией. «Аннексия Чехословакии, несомненно, произвела громадное впечатление на все слои населения. Разочарование в Мюнхене и негодование против Германии всеобщее... Политика “умиротворения” в сознании широчайших масс мертва... усилилось сознание необходимости коллективного отпора агрессорам. Отсюда довольно крутой поворот в сторону СССР»²¹, — сообщал Майский в НКИД 20 марта.

Психология «умиротворения», свойственная тогдашним руководителям западных демократий, была действительно сильно поколеблена, но пока еще не преодолена. Поэтому Литвинов более сдержанно

оценивал настроения английской общественности. 19 марта он писал Майскому, что хотя чехословацкие события и «встряхнули общественное мнение» как в Англии, так и во Франции, но Чемберлен и Даладь «отнюдь еще не сдались» и «начнут вновь выступать в защиту мюнхенской линии», поскольку упомянутые события «полностью укладываются в рамки любезной им концепции движения Германии на Восток»²².

Потрясена была новым вероломным актом фашистской Германии и французская общественность. Полномочный представитель СССР во Франции Яков Суриц писал Литвинову 26 марта: «По степени взбодраженности и всеобщей встревоженности реакция французской общественности на последний гитлеровский захват Чехословакии значительно превосходит все то, что мы наблюдали в прошлогодние сентябрьские дни. Акт 15 марта... по шепкам разнес все здание, построенное в Мюнхене». Его французские «архитекторы», по словам полпреда, «не сразу хотели в этом признаться. Они на первых порах пытались даже багателизировать (от *фр.* *bagatelle* — безделушка. — *В. М.*) события, крючкотворствовали, доказывая, что налицо нет открытой агрессии, что все произошло в рамках двустороннего и “добровольного” соглашения, но под напором давления своего общественного мнения они недолго удержались на таких позициях и решили во избежание революции “снизу” возглавить революцию “сверху”»²³.

Агрессию Германии против Чехо-Словакии осудили и Соединенные Штаты Америки. Госсекретарь США Самнер Уэллс 17 марта заявил, что его страна не намерена признавать акт насилия, совершенный Германией. В таком же духе была составлена и нота американского правительства от 20 марта²⁴. В знак протеста США отозвали своего посла из Берлина. Польша предпочла позицию стороннего наблюдателя, хотя перспектива того, что она станет жертвой очередного удара агрессора, становилась все более очевидной. По словам министра иностранных дел Польши Юзефа Бека от 17 марта, она «ограничится подтверждением получения германских нот, не касаясь существа их. Польша, конечно, не одобряет германских методов, но согласно своим традициям она воздерживается от протестов, когда за ними не могут следовать какие-либо действия». Та же позиция была подтверждена и в беседе польского посла в Великобритании с ее министром иностранных дел 24 марта: «Он (посол. — *В. М.*) не скрывал, какое сильное воздействие на польское общественное мнение оказал захват рейхом Богемии, а еще больше — Словакии. Установив опеку над этой страной, немцы располагают летними базами на расстоянии чуть менее 70 миль от польской границы. Но вызванная последними событиями обеспокоенность, кажется,

не изменила желание польского правительства соблюдать видимость нейтралитета»²⁵.

Взбурдаженное актом 15 марта европейское общественное мнение не сомневалось в том, что Чехо-Словакия — не последняя жертва агрессора, что за ней последуют другие, но колебалось в ответе на вопрос о направлении следующего удара Гитлера: Восток? Юго-Восток? Запад? При этом все большее и большее число сторонников находила последняя версия. Уинстон Черчилль в разговоре с Майским еще 15 марта высказал мнение, что «акция Гитлера в Чехословакии не только не является прелюдией к удару на Восток, а, наоборот, предвещает усиленный нажим на Запад, для чего Гитлер хочет обеспечить себе тыл, окончательно ликвидировав Чехословакию и её армию»²⁶.

Аналогичной версии придерживались также Майский и Суриц, что следует из их телеграмм и писем в Москву весной 1939 г.²⁷ Майский, например, писал Литвинову 4 апреля, что «западное направление германской агрессии становится все более вероятным», что, получив в свое распоряжение «пищевые, минеральные, сырьевые, человеческие ресурсы Центральной и Юго-Восточной Европы», Гитлер, скорее всего, ударит по Франции. «Почему не на Восток? Не против СССР? — задавался вопросом посол. — Потому что удар против СССР означает несомненную войну, очень опасную для Германии войну, а Гитлер предпочитает “бескровные победы”»²⁸.

Опасность остаться наедине, лицом к лицу, с гитлеровской Германией усилила в Англии и Франции тенденции к оживлению системы коллективной безопасности и началу переговоров по этому вопросу с СССР. Но это вовсе не означало окончательного отказа тогдашнего руководства этих стран от политики «умиротворения», рецидивы которой стали учащаться по мере удаления от событий 14–15 марта 1939 г. Одной из причин подобного рода рецидивов, по мнению Майского, являлось то, что «душа души» британского премьера Невилла Чемберлена в области внешней политики «сводится к сговору с агрессорами за счет третьих стран», что «Чемберлен идет по пути так называемой “новой политики” крайне неохотно, на каждом шагу упираясь и все время выжидая момента, когда можно было бы вновь свернуть на столь знакомый ему путь политики “умиротворения”»²⁹.

Одним из проявлений желания как можно скорее забыть о событиях 14–15 марта 1939 г. стала история обсуждения «чехословацкого вопроса» в Лиге Наций. Экс-президент ЧСР Эдвард Бенеш, находившийся в то время в США, где он читал лекции в Чикагском университете, по просьбе многочисленной чехословацкой эмиграции согласился возглавить за границей борьбу за восстановление Чехословакии³⁰.

Уже 16 марта он направил Франклину Делано Рузвельту (США), Чемберлену (Великобритания), Эдуарду Даладье (Франция) и Литвинову меморандум с протестом против ликвидации ЧСР и просил правительства их стран «не признавать это преступление и сделать выводы, которые сегодня настоятельно требует трагическая ситуация Европы и мира». Аналогичное заявление было направлено Генеральному секретарю Лиги Наций французскому дипломату Йозефу Авенюлю³¹. Однако попытки советских дипломатов вынести чехословацкий вопрос на ее заседание окончились неудачей³². Позже Бенеш с горечью писал: «Следует с болью констатировать, что западноевропейские демократии вообще не понимали, о чем идет речь не только во время мюнхенского кризиса, но и весь следующий год до начала войны»³³.

Тем не менее официальное осуждение Англией, Францией и США гитлеровской агрессии против Чехо-Словакии диктовало и определенную линию их поведения в некоторых вопросах, в частности, в отношении находившихся на их территории чехо-словацких дипломатических представительств. Полпреды Ч-СР в Париже и Лондоне отказались повиноваться приказам властей протектората и с согласия соответствующих правительств сохранили свои посты. Чехословацкий посол в Вашингтоне полковник Владимир Гурбан, который после Мюнхена находился здесь на положении частного лица, еще днем 15 марта уведомил правительство США, что он остается на посту посла республики и отказывается сдать дипломатические полномочия германским представителям. Вашингтон продолжал признавать Гурбана послом Чехословакии в США.

Продолжало действовать, хотя и не без трудностей, чехословацкое постпредство в Москве. 23 марта Фирлингер направил Литвинову ноту, в которой просил «принять к сведению», что он намерен продолжать выполнять обязанности посланника на основании «прежних и до сих пор действительных полномочий»³⁴. Литвинов в тот же день доложил о содержании ноты Иосифу Сталину, сообщив также о получении 14 марта из Словакии ноты, содержащей просьбу о признании Советским Союзом нового Словацкого государства. Литвинов предлагал пока оставить как ноту Фирлингера, так и ноту словацкого правительства без ответа: «Позднее будет видно, как с этим поступить»³⁵.

Примерно такая же позиция изложена наркомом в письме к советскому генконсулу в Праге Владимиру Яковлеву от 28 марта 1939 г.: «Я сказал Фирлингеру, что практического значения его заявление не имеет, ибо, не связанный ни со своей страной, ни со своим правительством, он не может разрешать с нами какие-либо дела, но что, поскольку он хочет оставаться представителем какого-то символического государ-

ства и правительства, мы его пока трогать не будем, а дальше видно будет. В затишье находится дипкорпус, который не знает, признавать ли впредь Фирлингера дипломатом или игнорировать его. Поступит дипкорпус, вероятно, в соответствии с указанием своих правительств»³⁶. В дальнейшем немногочисленная чехословацкая миссия в Москве «с молчаливого согласия» НКВД занималась преимущественно делами бывших граждан Ч-СР, оказавшихся по той или иной причине на территории СССР. Своё существование она прекратила в декабре 1939 г., то есть уже после решения Москвы признать Словацкое государство де-юре и установить с ним дипломатические отношения. Тогда же Фирлингер покинул СССР, несмотря на полученное им предложение НКВД остаться здесь на положении частного лица, с чем согласен был и Бенеш³⁷.

Позиция СССР по чехо-словацкому вопросу летом 1939 г. может быть понята только в контексте событий в Европе и советской внешнеполитической деятельности той поры. Она была нацелена, с одной стороны, на соглашение с западными державами, а с другой, не упускалась из вида и возможность (в случае невозможности договориться с ними) сближения с Германией. Если неуспех англо-франко-советских переговоров имел следствием осторожность СССР в подходе к чехо-словацкому вопросу, то надежда на возможность договориться с Западом, наоборот, вела к положительным оценкам в этом вопросе. Но надежды на успех переговоров не оправдались. Резкое изменение советского внешнеполитического курса, явственно обозначившееся к концу второй декады августа 1939 г., повлекло за собой и корректировку позиций СССР в чехо-словацком вопросе. 18 августа Фирлингер в ответ на вопрос Бенеша об отношении СССР к Словакии уже отвечал: «...трудно сегодня на этот вопрос ответить ясно и определенно. Ситуация меняется каждую секунду»³⁸. После заключения советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г.³⁹ чехо-словацкий вопрос для СССР стал частью его новой внешнеполитической стратегии.

В книге «Современная война как социальный кризис», вышедшей в Лондоне в 1940 г., Фирлингер оценивал позицию СССР в августе 1939 г. так: «Советский Союз счел за правильное перейти к собственной самостоятельной политике»⁴⁰. Сразу после заключения пакта Фирлингер смотрел на него хотя и с оттенком некоторого недоумения, но сдержанно. В своем сообщении Бенешу 26 августа он писал, что не ожидал «столь радикального ответа Москвы на непрестанные проволочки и закулисные переговоры западных держав», из-за которых «переговоры зашли в тупик», и что «обвинять сегодня Москву в предательстве, по меньшей мере, чрезмерно». В то же время он предполагал, что пакт «вызовет среди наших людей панику», что официальные комментарии советской печати

«будут не поняты нашей общественностью», поскольку «пакт внешне выглядит как договор о действительной дружбе и политическом сотрудничестве». «Тем не менее, — считал Фирлингер, — мы должны подождать, прежде чем сможем судить о его действительном значении и содержании». «Надеюсь, — заканчивалось письмо, — что Вы смотрите на события, как и я, и что не следует оценивать их как трагические. Наоборот, я полагаю, что они могут существенно ускорить европейское развитие»⁴¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Dejiny Slovenského národného povstania. Zv. 3. Dokumenty. (далее: DSNP). Bratislava, 1984. S. 16.

² См. подробнее: *Марына В. В.* Путь к независимости? Создание Словацкой республики 14 марта 1939 г. // Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995. С. 201–225; *Bystrický V.* Nacistické Nemecko a vznik Slovenského štátu // Vojenská historia. Bratislava. 2001. N 2. S. 41–61.

³ Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы в 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 280–281.

⁴ Там же. С. 286.

⁵ Там же. С. 285.

⁶ *Tomašek D., Kvaček R.* Causa Emíl Hácha. Praha, 1995. S. 39.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 542. Л. 72.

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 089. Оп. 22. П. 93. Д. 7. Л. 161.

⁹ <http://hrono.rspu.ryazan.ru/sobyty/1939cseh.html>. Эти цифры были названы в выступлении Гитлера 23 апреля 1939 г. (http://militera.lib.ru/research/martirosyan_ab/index.html).

¹⁰ См.: *Марына В. В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М., 2003. С. 6–12.

¹¹ Год кризиса 1938–1939. Т. 1. С. 287.

¹² Правда, 15 марта 1939 г. С. 12.

¹³ Следует отметить, что о нежизнеспособности Чехословацкого государства говорил в своем выступлении по радио 15 марта и Н. Чемберлен.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 4. П. 27. Д. 254. Л. 149–152.

¹⁵ Там же. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 9. Л. 37.

¹⁶ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее: ДМИСЧО). М., 1978. Т. 3. С. 607–608.

¹⁷ ДМИСЧО. М. 1981. Т. 4. Кн. 1. С. 15–20; *Марына В. В.* СССР и чехословацкий вопрос. 1939 г. // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940). М., 1990. С. 97.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 3. Л. 50–51.

«НА ГРАНИЦЕ ТУЧИ ХОДЯТ ХМУРО...»: СССР И ЯПОНИЯ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Анатолий Кошкин

Цель японских провокаций — запугать СССР войной

В 30-е годы XX в. Генеральный штаб сухопутных войск Японии имел разработанные планы войны с главными потенциальными противниками: план «Хэй» — войны в Китае и план «Оцу» — войны против СССР. Война с западными державами — США и Великобританией — в те годы хотя и допускалась, но лишь гипотетически.

После захвата в 1931–1932 гг. Маньчжурии (Северо-Восточный Китай) японцы стали создавать здесь плацдарм для подготовки дальнейшего продвижения в Северный Китай и захвата советских дальневосточных территорий, в первую очередь Приморья и Северного Сахалина. Хотя в июне 1933 г. после жарких дебатов представителей руководящего состава японских сухопутных сил было принято считать «противником номер один» Советский Союз и готовиться к большой войне именно с соседом на севере, по мере укрепления обороноспособности СССР на Дальнем Востоке верх стали брать сторонники первоначального овладения всем Китаем. Влиятельные генералы Генштаба Тэцудзан Нагата и Хидэки Годзио (будущий военный министр и премьер-министр Японии, начавший в 1941 г. войну против США и Великобритании) предупреждали о рискованности преждевременного выступления против СССР. Нагата указывал, что для войны против Советского Союза «необходимо иметь в тылу 500-миллионный Китай, который должен стоять за японскими самураями как громадный рабо-

чий батальон и значительно повысить производственные мощности Японии и Маньчжурии»¹.

К середине 1937 г. в японском Генштабе сухопутных войск существовал оперативно-стратегический план проведения войны с целью овладения всей обширной территорией Китая. Так как в Токио считали, что Китай не сможет оказать серьезного сопротивления превосходившей его в вооружении и выучке японской армии, первоначальную оккупацию опорных пунктов в китайских городах (Тяньцзинь, Пекин, Шанхай, Ханчжоу, Фучжоу, Сямэнь и Шаньтоу) можно будет осуществить за два-три месяца.

Во внешнеполитическом плане расчет был сделан на то, что обеспокоенные возрастанием угрозы большой войны в Европе западные державы и Советский Союз предпочтут не вмешиваться в японо-китайскую войну. Что касается западных держав, эти расчеты оправдались. Существенной помощи от них китайцы не получили. В наиболее трудный начальный период японо-китайской войны помощь США и Великобритании была символической — с 1938–1939 гг. американцы предоставили Китаю заем лишь в 25 млн долларов. С июля 1937 по январь 1938 г. китайская армия получила от США 11 самолетов и 450 т пороха².

А правительство Великобритании и вовсе предало Китай, заключив 22 июля 1939 г. с Японией так называемое «Соглашение Арита — Крейги». Согласно нему Лондон, по существу, политически капитулировав перед Токио, пошел на признание японских захватов в Китае и обязался «не предпринимать какие-либо действия или меры, наносящие ущерб осуществлению... задач японской армии»³.

В то же время западные державы до 1940 г. продолжали крупные поставки в Японию. По китайским данным, в течение трех первых лет войны 70 % расходуемого японской армией в Китае бензина поступило из США. От американского оружия погибли 54 % мирных жителей Китая⁴.

Эффективную помощь китайскому народу в его борьбе с японской агрессией оказал только Советский Союз. Несмотря на то что такая материальная помощь создавала опасность ухудшения советско-японских отношений, руководство СССР приняло решение оказать прямую поддержку Китаю. В первой половине 1938 г. Москва предоставила Китаю кредиты на льготных условиях на сумму 100 млн долларов. В Китай были направлены 477 самолетов, 82 танка, 725 пушек и гаубиц, 3825 пулеметов, 700 автомашин, большое количество боеприпасов. Всего с октября 1937 по октябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение⁵. Общая

сумма займов СССР Китаю с 1938 по 1939 г. составила 250 млн долларов. Крупномасштабная советская помощь Китаю реально препятствовала осуществлению японских агрессивных планов, и ее прекращение рассматривалось как одна из важнейших внешнеполитических задач Токио. Японское правительство имело все основания считать, что «разрешение китайского инцидента затягивается из-за помощи, которую оказывал Китаю Советский Союз»⁶.

Стремление изолировать СССР от Китая, сорвать его помощь китайскому народу толкало японские военные круги на сознательное обострение японо-советских отношений. Резко возросло число японских провокаций на советско-маньчжурской границе. За три года — с 1936 по 1938 г. — здесь был зарегистрирован 231 инцидент, в том числе 35 крупных вооруженных столкновений. В 1938 г. число инцидентов возросло по сравнению с предыдущим годом почти в два раза — с 69 до 124⁷.

Самое серьезное и кровопролитное столкновение между японскими и советскими войсками произошло летом 1938 г. у озера Хасан в Приморье. Долгое время в советской исторической литературе существовала версия о том, что, развязывая этот крупный инцидент, японское командование стремилось захватить Приморье и создать угрозу Владивостоку, не останавливаясь перед опасностью начала большой войны с СССР. Однако японские источники свидетельствуют о том, что цели конфликта были ограниченными. Составители японской «Истории войны на Тихом океане» отмечают: «Начиная с 1938 г. японо-советские отношения неуклонно ухудшались. Дело в том, что с этого времени помощь Советского Союза Китаю усилилась... Это раздражало Японию... В Генштабе армии формировалась мысль о прощупывании советской военной мощи, основной смысл которого заключался в выяснении готовности СССР к войне с Японией... Было решено проверить это нападением на советские войска, мобилизовав 19-ю дивизию Корейской армии, которая находилась в прямом подчинении императорской ставки. замысел состоял в нанесении сильного удара, с тем, чтобы предотвратить возможное выступление СССР против Японии»⁸. Начальник 2-й секции (маневры и военные планы) 1-го (оперативного) департамента Генштаба полковник Масадзуми Инада говорил по поводу хасанских событий: «Даже если будет разгромлена целая дивизия, необходимо выяснить готовность Советов выступить против Японии»⁹.

В известной степени японские организаторы хасанской провокации добились своей цели — убедились в отсутствии у Москвы намерения напрямую своими вооруженными силами вмешаться в японо-китай-

скую войну. Однако сохранялась задача угрозой начала большой войны с СССР вынудить Москву прекратить оказание Китаю военно-технической помощи.

В Токио рассчитывали, что в обстановке угрозы германского нападения СССР не сможет использовать крупные силы в восточных районах страны и в случае вооруженного столкновения с Японией будет вынужден пойти на серьезные территориальные и политические уступки. После хасанских событий пришлось вносить коррективы в японские оперативно-стратегические планы войны против СССР. С осени 1938 г. Генеральный штаб японской армии разрабатывал новый вариант плана, закодированный как «Операция № 8». Отличительной особенностью этого варианта было нанесение основного удара не в Приморье, а через Монгольскую Народную Республику в направлении озера Байкал. Генеральный штаб изыскивал такое место для удара, «где противник не ждал наступления». Считалось, что нанесение удара с западного направления необходимо предпринять до того, как Советский Союз значительно укрепит здесь свою обороноспособность.

В исторической литературе при анализе причин развязывания японской армией крупного вооруженного конфликта на территории союзной СССР Монгольской Народной Республики в районе реки Халхин-Гол (в Японии этот район именуется Номонхан) основное внимание обычно уделяется военным целям этой операции. Действительно, планируя очередную вылазку против Советского Союза, командование японской армии рассчитывало проверить действенность нового варианта плана и испытать обороноспособность советских вооруженных сил на западном направлении. Японских военных интересовала также готовность советского правительства выполнить свои обязательства по заключенному 12 марта 1936 г. военному союзу с МНР. Тогда советское правительство заявило, что в случае нападения Японии на МНР Советский Союз поможет Монголии защитить ее независимость.

Японские генералы стремились восстановить авторитет императорской армии, подорванный неспособностью быстро завершить войну в Китае и поражением у озера Хасан. Японская «Официальная история» признает: «Лишившись уверенности в победе, армия находилась в состоянии сильной раздражительности и нетерпения — как в отношении военных действий против Китая, так и в отношении операций против СССР»¹⁰.

Однако подлинные причины, толкнувшие японское командование на развязывание военных действий на территории МНР, были гораздо глубже, чем просто стремление взять реванш за поражение на озере Хасан.

Разведка доложила точно

Как уже отмечалось, главная задача Токио состояла в том, чтобы угрозой войны вынудить СССР отказаться от помощи Китаю или, по крайней мере, значительно ее ослабить. В этом случае, по японским расчетам, лидер Китая Чан Кайши должен был прийти к выводу, что «его ставка на помощь со стороны Советского Союза неосновательна», и лучше мирно уладить японо-китайский конфликт, разумеется, на условиях Токио.

Во-вторых, новый конфликт с СССР рассматривался японским руководством как важный козырь в дипломатической игре с Западом. Это подтверждают документы. Так, в «Секретном оперативном дневнике Квантунской армии» в связи с началом халхингольских событий была сделана следующая запись: «Есть уверенность в последовательном разгроме советской армии... Это является единственным способом создать выгодную для Японии обстановку на переговорах с Великобританией»¹¹.

Речь шла о переговорах, касающихся заключения между Японией и Великобританией упомянутого выше «соглашения Арита — Крейги», которое вошло в историю как дальневосточный вариант «мюнхенского сговора». В значительной степени такое решение Великобритании было ускорено событиями на Халхин-Голе. Рассчитывая на расширение халхингольских событий до масштабов войны, правительство Великобритании обязалось не создавать Японии проблем в тылу, в Китае. Заключенное 22 июля 1939 г. в разгар халхингольских событий, это соглашение поощряло Японию на расширение военных действий против СССР.

В-третьих, японское правительство стремилось использовать военные действия против МНР и СССР как фактор сдерживания США от применения к Японии экономических санкций. 10 июля японский посол в США Кэнсукэ Хориноути убеждал госсекретаря Корделла Хэлла, что все действия Японии продиктованы борьбой против Советского Союза. В ходе последующих бесед он неоднократно поднимал тему «угрозы большевизма». Хэлл соглашался с этим, указывая, что США также выступают против усиления Советского Союза.

В результате, хотя 26 июля правительство США все же объявило о денонсации торгового договора с Японией, практическое осуществление этого решения было отложено на шесть месяцев. Существует достаточно много оснований полагать, что не последнюю роль при этом сыграл тот факт, что именно в эти дни шли ожесточенные бои между японскими и советскими войсками на Халхин-Голе. Денонсация торгового договора в этих условиях не нанесла какого-либо ущерба Японии. Более того, занятая США позиция позволила Японии закупить

в 1939 г. в 10 раз больше американского железного и стального лома, чем в 1938-м. Не прекращалась торговля и другими жизненно важными для Японии стратегическими товарами.

В-четвертых, резкое обострение советско-японских отношений, прямое вооруженное столкновение с СССР отвечали целям Японии, преследуемым на проходивших в 1939 г. в Берлине переговорах об основах военно-политического союза Германии, Японии и Италии (Тройственный пакт). Токио упорно добивался военного союза, направленного главным образом против СССР, стремясь воздержаться от принятия обязательств по совместному с Германией и Италией участию в войне с Великобританией и Францией, на чем настаивали европейские фашистские державы.

В своих донесениях из Токио Рихард Зорге весной 1939 г. так оценивал ситуацию: «...Сведения о военном антикоминтерновском пакте: в случае, если Германия и Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий. Но если война будет начата с демократическими странами, то Япония присоединится только при нападении на Дальнем Востоке или если СССР в войне присоединится к демократическим странам»¹².

По расчетам японского руководства, начало военных действий между Японией и Советским Союзом должно было подтолкнуть Германию к согласию с позицией Токио. Японское правительство знало о существовавших в Германии «сомнениях относительно способности Японии выполнить глобальные задачи по установлению “нового порядка” в Азии, внести свой вклад в борьбу как против СССР, так и особенно против США и Великобритании».

В Токио знали и о том, что германское руководство стремится подчинить политику и действия Японии, как более слабого союзника, планам и действиям Германии. Это усиливало позиции японских сторонников вооруженной конфронтации с СССР, которые прямо заявляли, что наиболее важным для доказательства силы и боевой способности японских вооруженных сил не только германскому союзнику, но и руководителям США и Великобритании была бы серьезная военная акция против Советского Союза.

Принимая весной 1939 г. решение об организации крупной военной провокации в МНР, японское военно-политическое руководство считало, что международная обстановка позволяла рассчитывать на успех даже в случае перерастания конфликта в войну. Представители высшего военного командования Японии признавали после войны: «В Европе в этот период возрастала мощь Германии, она аннексировала Австрию, оккупировала Чехословакию. Обстановка в Европе давала основания считать, что в обозримом будущем Германия может приступить к разре-

шению своих проблем с СССР. С другой стороны, на Дальнем Востоке японские войска, захватив Ханькоу и Кантон, завершили операционную фазу в китайском инциденте, после чего Япония намеревалась приступить к новому этапу разрешения конфликта, главным образом политическими методами. Хотя и продолжала вести военные действия. Японский Генеральный штаб надеялся встретить будущее, готовя решающую войну против Советского Союза. В этом случае предусматривалось быстро перебросить в Маньчжурию большую часть японской армии, не создавая затруднений для разрешения китайского инцидента»¹³.

Хотя в официальной японской историографии утверждается, что события на Халхин-Голе не были спланированы центральным военно-политическим руководством Японии, а первоначально были не чем иным, как одним из многочисленных пограничных инцидентов, в действительности это не так.

В Москве о готовящейся очередной вооруженной провокации против СССР знали заранее. 3 марта 1939 г. разведывательное управление РККА информировало руководство страны:

«1. Английские круги в Китае считают весьма вероятным, что японцы в ближайшее время предпримут новое вторжение на советскую территорию, причем предполагают, что масштаб этой провокации будет более крупным, чем это было в районе оз. Хасан в июле-августе 1938 г. Однако ввиду того, что цель предстоящего вторжения на территорию СССР заключается в том, чтобы поднять патриотические настроения в японской армии и в народе, это вторжение не будет глубоким и японцы постараются быстро уладить этот “инцидент”».

2. В японских военных кругах в Шанхае муссируются слухи о том, что в мае 1939 г. следует ожидать большого выступления против СССР, причем, по слухам, это выступление может вылиться в войну.

3. По сведениям, требующим проверки, генерал-лейтенант (Кандзи. — А. К.) Исихара в настоящее время совершает объезд пограничных частей и укрепленных районов на маньчжуро-советской границе, где проводит инструктивные совещания с командным составом. Японские военные круги в Шанхае рассматривают эту поездку Исихары как часть плана подготовки к новому нападению на СССР»¹⁴.

Предметный урок японцам комкора Жукова

Непосредственно подготовкой вооруженной провокации занимались командированные в марте 1939 г. в Квантунскую армию из Оперативного управления Генштаба полковник Масао Тэрада и подполковник Такусиро Хаттори. В районе намечавшихся военных действий

была сосредоточена 23-я дивизия, офицеры штаба которой считались «специалистами по Советскому Союзу и Красной армии». Командир 23-й дивизии генерал-лейтенант Матитаро Комацубара, ранее бывший военным атташе в Москве, слыл знатоком «психологии красных».

Подготовка к проведению операции была завершена к концу апреля. Оставалось лишь спровоцировать начало боевых действий. И это тоже было продумано. 25 апреля командующий Квантунской армией генерал Кэнкити Уэда направил командирам пограничных частей «Инструкцию по разрешению конфликтов на границе Маньчжоу-Го и СССР». Согласно этой инструкции, командиры передовых частей и подразделений должны были «самостоятельно определять линию прохождения границы и указывать ее частям первого эшелона». При вооруженных столкновениях надлежало «в любом случае, независимо от масштабов конфликта и его места, добиваться победы», для чего «решительно нападать и принуждать Красную армию к капитуляции». При этом разрешалось «вторгаться на советскую территорию или сознательно вовлекать советские войска на территорию Маньчжоу-Го». Документ отменял «все прежние указания»¹⁵. Очевидно, что издать подобную провоцирующую войну с СССР инструкцию командующий Квантунской армии без согласования с центром не мог.

12 мая командир 23-й дивизии Комацубара, лично проведя рекогносцировку и необходимые приготовления, отправил усиленную двумя ротами разведгруппу дивизии под командованием подполковника Адзумы к границе с задачей «отбросить охранные подразделения монгольской армии за реку (Халхин-Гол)». Монгольские пограничные части оказали сопротивление, что было использовано японцами как повод для расширения спровоцированного конфликта до масштабов локальной войны.

19 мая советское правительство заявило Японии протест в связи с грубым нарушением границы союзной МНР и потребовало прекратить военные действия. К границе были направлены советские войска, в том числе 11-я танковая бригада. Однако японское командование продолжало осуществлять план задуманной операции. 28 мая части 23-й японской дивизии после бомбовых ударов авиации перешли в наступление. Понеся потери, советско-монгольские войска вынуждены были отойти к реке Халхин-Гол. 30 мая японский Генеральный штаб направил командованию Квантунской армии следующую телеграмму: «Поздравляем с блестящим военным успехом в действиях вашей армии в районе Номонхан (японское название места конфликта. — А. К.)». В тот же день Генеральный штаб отдал распоряжение о включении в состав Квантунской армии 1-го авиационного соединения (180 самолетов) и запро-

сил о дополнительных нуждах армии в увеличении численности войск и военных материалов.

Для советского правительства сложилась тревожная обстановка, требовавшая принятия незамедлительных ответственных решений. Хотя анализ ситуации на Дальнем Востоке свидетельствовал о том, что в данный момент японское руководство едва ли было готово развязать большую войну против СССР, но, по данным разведки, Токио направил командованию Квантунской армии новые инструкции, требовавшие «продолжать в расширенном масштабе военные действия у Буин-Нур (МНР)».

Иосиф Сталин и советское командование оказались перед жизненной необходимостью не допустить вовлечения страны в войну на два отдаленных друг от друга фронта. Советская разведка информировала Кремль о том, что в апреле 1939 г. в Германии началась разработка планов военных действий против Польши — операция «Вайс»¹⁶. Вскоре стало известно и о том, что крайней датой начала Польской кампании определено 1 сентября 1939 г. И хотя точных разведанных о последующих за разгромом Польши намерениях Гитлера не было, нельзя было исключать нападения в том же году и на СССР. Тем более что фюреру было известно о стремлении западных держав, отведя опасность германского нападения от себя, направить немецкую агрессию в сторону общего врага — Советского Союза. Понимал Гитлер и то, что ни Франция, ни Великобритания не стали бы вмешиваться в германо-советскую войну с целью облегчить положение русских. Принимая это во внимание, в Москве сочли необходимым решительно пресечь японские провокации, убедить японское командование в неспособности вести успешную вооруженную борьбу против СССР, тем более в условиях незавершенной войны в Китае.

В то же время Сталину было важно продемонстрировать возросшую мощь Красной армии западным державам — Франции и Великобритании, побудить их к действенному сотрудничеству в противостоянии и обуздании гитлеровской Германии. Ибо затягивание боев на Халхин-Голе против относительно слабой в военно-техническом отношении японской армии могло породить сомнение в способности СССР вести большую войну с значительно превосходившей японскую армией Германии.

В Кремле было принято решение, не допуская перерастания халхингольских событий в войну, преподать японцам чувствительный урок. 1 июня в Москву срочно был вызван заместитель командующего войсками Белорусского военного округа Георгий Жуков. Ему было предложено незамедлительно вылететь в район Халхин-Гола.

Последовавшие события хорошо известны¹⁷. После кровопролитных боев в июне-июле, перейдя в наступление, в августе советские части под командованием комкора Жукова нанесли сокрушительный удар япон-

ским войскам. К 31 августа ликвидация японской группировки вторжения завершилась.

Японская авантюра закончилась полным крахом. По опубликованным советской стороной данным, всего за время боев на Халхин-Голе японцы потеряли более 61 тысячи убитыми, ранеными и пленными. Потери советско-монгольских войск с мая по сентябрь 1939 г. составили около 18,5 тысяч человек ранеными и убитыми.

Сталин, рассказывая 28 сентября о халхингольских событиях министру иностранных дел Германии Иоахиму фон Риббентропу, констатировал: «...В августовские дни, приблизительно во время первого визита г-на Риббентропа в Москву, японский посол (Сигэнори) Того прибежал и попросил перемирия. В то же время японцы на монгольской границе предприняли атаку на советскую территорию силами двухсот самолетов, которая была отбита с огромными потерями для японцев и потерпела неудачу. Вслед за этим Советское правительство, не сообщая ни о чем в газетах, предприняло действия, в ходе которых была окружена группа японских войск, причем было убито почти 25 тыс. человек. Только после этого японцы заключили перемирие с Советским Союзом. Теперь они занимаются тем, что откапывают тела погибших и перевозят их в Японию. После того как уже вывезли пять тыс. трупов, они поняли, что зарвались, и, кажется, от своего замысла отказались»¹⁸.

Военное поражение Японии сопровождалось поражением политическим. Поступившее в дни мощного контрнаступления советско-монгольских войск сообщение о подписании советско-германского пакта о ненападении привело японское руководство в сильное замешательство. Резидент советской военной разведки в Японии Зорге следующим образом характеризовал сложившуюся в Токио обстановку:

«Переговоры о заключении договора о ненападении с Германией вызвали огромную сенсацию и оппозицию Германии.

Возможна отставка правительства после того, как будут установлены подробности заключения договора. Немецкий посол Отт также удивлен происшедшим.

Большинство членов правительства думают о расторжении антикоминтерновского пакта с Германией.

Торговая и финансовая группы почти что договорились с Англией и Америкой.

Другие группы, примыкающие к полковнику Хасимото и к генералу Угаки, стоят за заключение договора о ненападении с СССР и изгнание Англии из Китая.

Нарастает внутривосточный кризис. Рамзай»¹⁹.

То же сообщал в Москву 24 августа и временный поверенный в делах СССР в Японии Николай Генералов: «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в растерянность особенно военщину и фашистский лагерь...»²⁰

Неожиданный политический маневр Германии был воспринят в Токио как вероломство и нарушение положений направленного против СССР Антикоминтерновского пакта. Немаловажное значение имело и то, что успешные действия советских войск у озера Хасан и в районе Халхин-Гола оказали помощь Китаю в его борьбе с японскими оккупантами. Маршал Фэн Юйсян заявлял от имени китайского правительства советскому полпреду Александру Панюшкину: «Ударами под Хасаном и Халхин-Голом Советский Союз крепко помог китайскому народу».

При всех морально-политических издержках советско-германского договора о ненападении он объективно ослабил Антикоминтерновский пакт, посеяв в Токио серьезные сомнения относительно Германии как союзника Японии. Есть все основания считать, что возникшая в «оси» Токио — Берлин трещина впоследствии привела к тому, что Япония не пожелала безоглядно следовать за Германией в агрессии против Советского Союза.

Халхингольское поражение свидетельствовало об авантюристичности и порочности японской политики и стратегии. Было очевидно, что Японии не под силу военное противоборство с СССР. В ее интересах было перейти от конфронтации к установлению мирных отношений, к чему неизменно проявляло политическую волю советское правительство.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Bergamini D.* Japan's Imperial Conspiracy. London, 1971. P. 552.

² *Сапожников Б. Г.* Японо-китайская война и колониальная политика Японии в Китае (1937–1938). М., 1970. С. 76.

³ Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Vol. IX. London, 1960. P. 313.

⁴ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 2. Происхождение и начало войны. — М.: Кучково поле, 2012. С. 175.

⁵ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 2. М., 1974. С. 72.

⁶ Дайтоа сэнсо кокан си. Дайхонъэй рикугун бу 2. (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Секция сухопутных сил Императорской ставки. Ч. 2). Токио, 1968. С. 2.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7867. Оп. 1. Д. 275. Л. 172–173.

⁸ Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Т. 3. Токио, 1972. С. 108–111.

⁹ Фудзивара Акира. Тайхэйё сэнсо си рон (Рассуждения об истории войны на Тихом океане). Токио, 1982. С. 74.

¹⁰ Дайтоа сэнсо кокан си... С. 585.

¹¹ Сёва но рэкиси (История периода Сёва). Т. 5. Токио, 1982. С. 200.

¹² Русский архив. Т. 18: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 г.: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е гг. Документы и материалы. М., 1997. С. 156.

¹³ War in Asia and the Pacific 1937–1949. A fifteen volume collection. Vol. 10: Japan and the Soviet Union. New York; London, 1980. P. 105–106.

¹⁴ Русский архив. Т. 18... С. 158.

¹⁵ Симада Т. Кантогун (Квантунская армия). Токио, 1982. С. 135.

¹⁶ Партитура Второй мировой войны. Кто и когда начал войну? М., 2009. С. 24.

¹⁷ Подробно о военных действиях в период халхингольских событий см.: Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Т. 2... С. 188–197.

¹⁸ Документы внешней политики. 1939 год. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 616.

¹⁹ Русский архив. Т. 18... С. 158.

²⁰ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971. С. 637.

07

SCHLUSSPROTOKOLL

über die sowjetisch-deutschen Verhandlungen über den
Handel und Kredit
vom 19. August 1939.

I. Die vertragschliessenden Teile haben nach der
Prüfung ihrer Vollmachten, die in Ordnung befunden waren,
das Kreditabkommen zwischen der Union der Sowjetischen
Sozialistischen Republiken und dem Deutschen Reich un-
terzeichnet und dieses Dokument ausgetauscht.

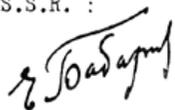
II. Die nachstehend aufgeführten Dokumente, die als
untrennbare Bestandteile des oben erwähnten Kreditab-
kommens gelten, wurden unterzeichnet und ausgehändigt:

1. Liste "A" der deutschen Lieferungen;
2. Liste "B" der deutschen Lieferungen;
3. Liste "C" der sowjetischen Lieferungen;
4. Vertrauliches Protokoll über die Rückvergütung.

Berlin, den 19. August 1939.

Für die Regierung der
U.d.S.S.R. :

Für die Deutsche Regierung:

**ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ
И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ. 23 АВГУСТА 1939 г.**

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ.

Правительство СССР и
Правительство Германии

Руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и
Германией и исходя из основных положений договора о нейтраль-
ности, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года,
пришли к следующему соглашению:

Статья 1.

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться
от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и вся-
кого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и
совместно с другими державами.

Статья II.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажет-
ся объектом военных действий со стороны третьей державы,
другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни
в какой форме эту державу.

Статья III.

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся
в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы
информировать друг друга о вопросах, затрагивавших их общие
интересы.

- 2 -

Статья 1V.

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V.

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта .

Статья VI.

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII.

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию
Правительства ССР Германии:
В. В. Вильгельм

NICHTANGRIFSVERTRAG ZWISCHEN DEUTSCHLAND UND
DER UNION DER SOZIALISTISCHEN SOWJETREPUBLICEN.

Die Deutsche Reichsregierung und
die Regierung der Union der Sozialistischen
Sowjetrepubliken

geleitet von dem Wunsche die Sache des Friedens
zwischen Deutschland und der UdSSR zu festigen und aus-
gehend von den grundlegenden Bestimmungen des Neutrali-
tätsvertrages, der im April 1926 zwischen Deutschland
und der UdSSR geschlossen wurde, sind zu nachstehender
Vereinbarung gelangt:

Artikel I.

Die beiden Vertragsschliessenden Teile verpflichten sich, sich jeden Gewaltakts, jeder aggressiven Handlung und jedes Angriffs gegen einander, und zwar sowohl einzeln als auch gemeinsam mit anderen Mächten, zu enthalten.

Artikel II.

Falls einer der Vertragsschliessenden Teile Gegenstand kriegerischer Handlungen seitens einer dritten Macht werden sollte, wird der andere Vertragsschliessende Teil in keiner Form diese dritte Macht unterstützen.

Artikel III.

Die Regierungen der beiden Vertragsschliessenden Teile werden künftig fortlaufend zwecks Konsultation in

Führung miteinander bleiben, um sich gegenseitig über Fragen zu informieren, die ihre gemeinsamen Interessen berühren.

Artikel IV.

Keiner der beiden Vertragschliessenden Teile wird sich an irgend einer Mächtegruppierung beteiligen, die sich mittelbar oder unmittelbar gegen den anderen Teil richtet.

Artikel V.

Falls Streitigkeiten oder Konflikte zwischen den Vertragschliessenden Teilen über Fragen dieser oder jener Art entstehen sollten, werden beide Teile diese Streitigkeiten ^{sowie} Konflikte ausschliesslich auf dem Wege freundschaftlichen Meinungsaustausches oder nötigenfalls durch Einsetzung von Schlichtungskommissionen bereinigen.

Artikel VI.

Der gegenwärtige Vertrag wird auf die Dauer von 10 Jahren abgeschlossen mit der Massgabe, dass, soweit nicht einer der Vertragschliessenden Teile ihn ein Jahr vor Ablauf dieser Frist kündigt, die Dauer der Wirksamkeit diese Vertrages automatisch für weitere fünf Jahre als verlängert gilt.

Artikel VII.

Der gegenwärtige Vertrag soll innerhalb möglichst kurzer Frist ratifiziert werden. Die Ratifikationsurkunden sollen in Berlin ausgetauscht werden. Der Vertrag tritt sofort mit seiner Unterzeichnung in Kraft.

Ausgefertigt in doppelter Urschrift, in deutscher und russischer Sprache,

Moskau am 23. August 1939.

Für

Für die
Deutsche Reichsregierung:

W. Schulze

In Vollmacht
der Regierung der
UdSSR:

W. Molotow

Лютце В. — 108
 Ляпчев А. — 96
Майский И. М. — 36–38, 42, 109, 117, 135, 168–189, 194, 196–199, 201, 205–209, 211
 Макдональд Р. — 225, 237
 Маклин Д. — 23, 224–226, 228–231, 236–238
 Макнамара Дж. — 226
 Малли Т. С. — 227, 228, 230, 234, 237–238
 Маннергейм К. — 137
 Мао Цзэдун — 88
 Марин В. — 93
 Масарик Я. — 27
 Мацкевич С. — 73, 77–78
 Мейштович А. — 55
 Менгер М. — 118
 Меркалов А. Ф. — 133, 206
 Мешка З. — 90
 Микоян А. И. — 307
 Миронович Е. — 64
 Мисюрев А. П. — 65
 Молотов В. М. — 10, 15, 19, 24, 28–29, 35, 49, 117–118, 120–123, 179, 183–186, 188–189, 191, 202, 208–210, 235, 245, 248, 251, 257, 261, 263, 266, 269–270, 272–274, 278, 281–282, 288, 291–297, 302–308
 Монин Д. Д. — 33
 Мордаль Ж. — 157
 Моссе Дж. — 94
 Мосцицкий И. — 44, 60, 75
 Моца И. — 93
 Мудрый В. Н. — 63
 Мунтерс В. — 19, 106–111, 271
 Муссолини Б. — 6, 7, 28, 47, 88, 90, 96, 98, 101, 107, 139, 141–142, 152, 160, 169, 241, 262
 Мюллер Р.-Д. — 291, 295, 297
 Мюллер-Гиллебранд Б. — 159–161, 162, 265
 Мюсс Ф. Ж. — 11
Нагата Т. — 212
 Наджар П.-Э. — 123, 188, 190–191, 196, 207–210
 Найдзюк Я. — 61
 Нарутович Г. — 43
 Неджалковский М. — 69, 78
 Нейрат К. фон — 16
 Нимёлер М. — 100
 Ницше Ф. — 85, 101
Обичкина Е. О. — 8, 27
 Орлов А. М. — 227–230, 237–238
 Осташевский Г. — 62
 Отт О. — 221
Пайяр Ж. — 168, 173, 179–180, 183–184, 205–209
 Панюшкин А. С. — 222
 Перацкий Б. — 63
 Пилсудский Ю. — 29, 30, 43–45, 51, 54, 59–60, 74, 102
 Потемкин В. П. — 49, 133, 172, 175, 179, 184, 186, 188, 191, 197, 204–211, 240, 315
 Пронаи П. — 90
 Пфайфер Э. — 232

Ратенау В. — 94
 Режк Н. — 107
 Риббентроп И. фон — 8, 9, 13, 19, 27, 29, 45–47, 75, 102, 106–111, 118, 125, 165, 221, 226, 235, 256–257, 259, 261, 263, 270, 272–274, 278, 281–282, 288, 290, 293–296, 301, 304, 306–309
 Робертс Ф. — 192–193, 199–201, 210–211
 Россо А. — 186, 208–209
 Рузвельт Ф. — 10, 28, 39, 107
 Рундштедт Г. фон — 148
 Русев И. — 96
 Рыдз-Смиглы Э. — 12, 44, 50, 305
Саклинг — 200
 Салаша Ф. — 90–92
 Сарджент О. — 132, 176, 178, 191, 193, 200–202, 206, 210–211
 Сельтер К. — 19, 107–110, 137
 Сидс У. — 9, 117, 122, 171, 177–178, 180–181, 185–186, 188–189, 196, 199, 202, 205–207, 209–210, 302, 311
 Синклер А. — 199
 Скорцени О. — 91
 Славек В. — 44
 Слущкий А. А. — 57, 228, 238
 Сноу Т. — 122
 Соболев А. А. — 198
 Сталин И. В. — 10, 15, 20, 23–24, 28–29, 39, 41, 52, 65, 78, 104, 110, 113–117, 126, 129, 141, 143, 160–161, 168, 171–172, 175, 177–180, 182–183, 188, 202, 207–208, 210, 220–221, 233, 235, 257, 261–264, 269, 271–274, 288, 292–294, 296–298, 300–302, 304, 306–310
 Стамболийский А. — 95
 Стахевич В. — 11, 50
 Стрэнг У. — 10, 28, 188, 194, 196–197, 200, 208–211, 249, 254, 302–303
 Стучка П. И. — 108
 Сулейман I Великолепный — 165
 Суриц Я. З. — 7, 37–38, 167, 170, 172–173, 176–182, 184, 186, 189, 204–209
Тарашкевич Б. А. — 60
 Тевосян И. Ф. — 307
 Телеки П. — 89
 Тиль В. — 200
 Тисо Й. — 8, 31–32, 99
 Тодзио Х. — 212
 Трамекур А. де — 55
 Трипье Ж. — 104
 Тука В. — 98
 Турович Е. — 73
Угаки К. — 221
 Уилсон Х. — 190
 Улманис К. — 104, 108
 Уотт Д. К. — 181, 188
 Урбшис Ю. — 9, 106, 272
 Уэла К. — 219
 Уэллс С. — 37
Файрбрейс Р. — 14
 Фердинанд I — 92
 Филби К. — 23, 24, 224–228, 236–238

Филингер З. — 36, 39–41
 Фиппс Э. — 130, 132, 134, 207, 208
 Фитин П. М. — 23
 Фишер Л. — 191, 192
 Фляйшхауэр И. — 14, 29, 30, 126, 129, 161, 210, 261–265, 290, 293, 295–297, 310
 Форман Н. — 155, 159
 Франко Ф. — 227
 Франциск I — 165
 Френч — 200
 Фридман М. М. — 56, 65
 Фрыч К. С. — 70
 Футман Д. — 232
 Фэн Юйсян — 222
Хавкин Б. Л. — 281, 296
 Хадсон Р. — 170–172, 190, 206
 Хайдеггер М. — 85
 Хакер Д. — 185
 Ханнула У. — 118
 Харрис К. — 230, 238
 Хартманис М. — 107
 Хасимото — 221
 Хаттори Т. — 218
 Хвалковский Ф. — 32
 Хориноути К. — 216
 Хорти М. — 89, 90–91, 102
 Хэлл К. — 6, 216
 Хэнки М. — 226, 237
Цанков А. — 95 97
 Цехлин Э. — 272–273
Чапский А. С. — 234
 Чемберлен И. — 177
 Чемберлен Н. — 6, 7, 8, 10, 22, 24, 27, 28, 37, 38, 39, 41, 68, 70, 88, 131, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 144, 165, 166, 167, 168, 170, 171, 173, 174, 175, 176, 177, 180, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 193, 198, 199, 200, 202, 203, 204, 206, 208, 209, 231, 232, 241, 301, 302, 303, 309
 Чемберлен Х. — 22
 Чемберлен Х. С. — 85
 Черчилль У. — 10, 28, 38, 109, 111, 165–166, 226, 231, 232, 237, 305, 310
 Чиано Г. — 47
 Чэтфилд Э. — 135, 146
Шапошников Б. М. — 269, 271
 Шнурре К. — 301, 304
 Штейн Б. Е. — 113–116, 126–127, Штейнгардт Л. — 266
 Шуленбург Ф.-В. фон дер — 35, 122, 125, 191, 210, 249, 269–270, 273–274, 291, 293, 302, 306–307, 315
Эванс Р. — 141, 143
 Эвола Ю. — 86, 94, 101–102
 Эмери Л. — 88
 Эндрю К. — 235, 238
 Эрчко Э. — 113–117, 119, 122–123
 Эрцбергер М. — 94
 Эттли К. — 199
Юзевский Г. — 62, 63
Якобсон М. — 20, 119, 124
 Яковлев В. Г. — 35, 39, 269
 Ярнушкевич Ч. — 61

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Вероника Крашенинникова</i>	3
Сто дней до войны. От ответственного редактора Олег Назаров.....	6
Расчленение Чехо-Словакии (март 1939 г.): Реакция в мире Валентина Марьина.....	31
Польша весной и летом 1939 г. Дмитрий Буневич	43
«Картина варварства и глупости»: Белорусское и украинское меньшинство II Речи Посполитой в конце 1930-х гг. Кирилл Шевченко	53
Внешняя политика Польши накануне Второй мировой войны на страницах польской печати Александр Киселёв	68
Развитие правоконсервативных идеологий и режимов в постверсальской Восточной Европе накануне Второй мировой войны Константин Софронов, Дмитрий Суржик	83
Прибалтика-1939: пакты с Гитлером Владимир Симиндей	103
Политический кризис 1939 г. и Финляндия Владимир Барышников.....	112
Европейский кризис 1938–1939 гг. и внешняя политика Великобритании Александр Иванов	130
Англо-франко-польская коалиция против Германии в 1939 г. Михаил Мельтюхов	144
История провала: англо-франко-советский альянс, которого не было, и неопубликованная белая книга британского правительства, 1939–1940 гг. Майкл Джабара Карлей.....	163
«На границе тучи ходят хмуро...»: СССР и Япония накануне Второй мировой войны Анатолий Кошкин	212
Предвоенный политический кризис глазами «Кембриджской пятерки» Михаил Богданов.....	224
Советский Союз, Германия и политический кризис 1939 г. Михаил Мельтюхов	239
Советско-германские документы августа 1939 г.: Проблемы источников Михаил Мельтюхов	266
Предвоенный мир глазами Кремля Александр Шубин.....	298

Приложения	311
Предложение, врученное народным комиссаром иностранных дел СССР М. М. Литвиновым послу Великобритании в СССР У. Сидсу. 17 апреля 1939 г.	311
Ответ советского правительства на предложения английского правительства от 8 мая. 14 мая 1939 г.	313
Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина с послом Германии в СССР Ф. В. фон дер Шуленбургом. 20 мая 1939 г.	315
Кредитное соглашение между СССР и Германией. 19 августа 1939 г. (Первые и последние листы русского и немецкого оригиналов)	317
Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. 23 августа 1939 г.	321
Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом. 23 августа 1939 г.	326
Разъяснение к Секретному дополнительному протоколу от 23 августа 1939 г. 28 августа 1939 г.	330
Сведения об авторах	332
Именной указатель	333

Антигитлеровская коалиция – 1939 **Формула провала**

Редактор *К. А. Залесский*
Художественное оформление *М. А. Миллер*
Компьютерная верстка *В. В. Забковой*
Корректор *Н. А. Натальина*

ООО «Издательство «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 2-11
Тел.: (495) 256 04 56; e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 30.04.2019
Формат 165×235 мм. Усл. печ. л. 27,3
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-907171-24-4